

Энн Паттерсон: «Моё творчество – это прямой результат моей синестезии... Я горжусь своим чувством цвета»

Энн Паттерсон – художница из Бруклина, Нью-Йорк, США. В 1982 году получила степень бакалавра по специальности архитектура в Йельском университете, а в 1988 ей была присуждена степень магистра сценических декораций и костюмов в лондонской Slade School of Art. Паттерсон создает крупномасштабные мультимедийные инсталляции, охватывающие скульптуру, архитектуру, освещение, видео, музыку и запах. Получив образование архитектора и сценического художника-дизайнера, Энн Паттерсон имеет уникальную возможность использовать сочетание чувств в создании произведений, проходящих на грани искусства театра и непосредственного опыта. Иммерсивные пространства, создаваемые Энн Паттерсон, вдохновлены понятием множественности и обращением к взаимоотношению части и целого. Одно из ее произведений – инсталляция *Благодать Света* (*Graced With Light*) – создано во время ее работы в 2013 в качестве приглашенного художника в соборе Божественной Благодати в Сан-Франциско. Масштабные инсталляции Энн Паттерсон появлялись во многих городах США в пространстве соборов, офисных центров, галерей, наполняя их огромными полотнищами из ткани, лентами из фольги и птицами из металла. От струящегося цветом водопада лент длиной более 50 километров в инсталляции «Другое небо» до тысячи птиц, сделанных из тонкотканной сетки, для работы *Murmuration* – художница стремится к созданию образов, которые переносят зрителя в реальность, складывающуюся из совместной работы сразу нескольких органов чувств, наподобие то, которую она сама переживает всю свою жизнь.

Расскажите, как вы узнали, что обладаете синестезией, каковы ваши самые ранние воспоминания об этом и как синестезия повлияла на ваше понимание себя и ваше творчество? Играет ли синестезия ещё какую-то роль в вашей жизни, помимо искусства и творчества?

Я не знала, что обладаю синестезией до тех пор, пока один дирижёр не обратил на это моё внимание. В тот момент я работала над декорациями и костюмами для постановки “Страстей по Иоанну” Баха и разговаривала о музыке, как о чем-то зримом, и он рассказал мне о синестезии. Я знала и

до этого, что всегда соединяю зрительные образы с музыкой, но не понимала, что это является чем-то необычным или рассматривается как какая-то особенность. Числа у меня могут быть мужчинами или женщинами и иметь свой характер. Я ощущаю их как реальных людей. Это всегда помогало мне в математике и в обращении с числами в целом.

О чем говорит вам ваша синестезия? Чему синестезия может научить кого-то другого? Другими словами, что синестет может знать о своём разуме, мире искусства, что не является очевидным или “открытым” для не-синестетов?

Что все чувства связаны между собой. Что то, что мы видим, также имеет слышимую звуковую составляющую. Это делает мир гораздо более насыщенным и взаимосвязанным.

Как бы вы описали идеальный пример синестетического искусства или чистый опыт, который представляется положительно резонирующим с вашей синестезией?

Когда я иду на оперу и вижу певцов, одетых в соответствующие произведения цвета, или вижу соответствующие музыкальному произведению формы и цвета в декорациях.

Насколько вам понятны другие разновидности синестезии, которых нет у вас? Какие из разновидностей синестезии вы хотели бы иметь и почему?

Я думаю, что очень трудно представить другие виды, если у вас их нет. Мне бы хотелось, чтобы вкус был как-то связан с цветом. Иногда некоторые запахи ощущаются для меня цветными.

Какую из ваших работ вы рассматриваете как подвергнувшуюся наибольшему влиянию вашей синестезии или наилучшим образом представляющую её? Вы помните, как вы над ней работали? Какие из художников, не известных как синестеты, вы чувствуете, что были синестетами?

С декорациями для моей первой оперы – “Севильский цирюльник” – для меня это было так очевидно, какие там и тут нужно использовать цвета и геометрические формы. Создавать их было одно удовольствие; этакая легкость и озорство.

Какие из художников были синестетами? Конечно, Кандинский!

Помните ли вы какие-либо значительные события в жизни, которые могли сыграть роль в появлении или усилении синестезии? Какие внешние факторы или условия благоприятствуют или препятствуют вашей синестезии?

Я думаю, что проблемы с запоминанием расписания действительно помогли мне с осознанием чисел как личностей. А вот когда я сломала правую, рабочую руку, и мне пришлось рисовать левой, я ещё глубже сроднилась со своей синестезией.

Как вы считаете, как синестезия, которую вы выражаете в своем творчестве, воспринимается другими людьми? Считаете ли вы, что синестезия изолирует вас или объединяет вас с остальными людьми?

Я думаю, люди находят мою синестезию увлекательной, и полагаю, что это приводит людей к осознанию возможности того, что они также могут обладать синестезией. Я думаю, чем больше я использую синестезию в своем творчестве, тем лучше это будет понято, потому что, по-моему, это также делает моё творчество более близким и понятным на более глубоких и разрозненных уровнях.

Ваши работы – линии, цвет и окружающее пространство – кажутся резонирующими с идеями русского художника Василия Кандинского, который сказал, что всё начинается с точки. Ваша синестетическая креативность – с чего она начинается?

Мои работы начинаются с музыки.

Обладая синестезией, которая позволяет вам ассоциировать числа с полом и личностями, испытываете ли вы иногда желание использовать это в творческом процессе?

Я не склонна использовать числа в своих работах в символическом смысле. Некоторые из моих инсталляций имеют сложные узоры и схемы, и иногда, когда я составляю схему проекта, я использую свое восприятие чисел, чтобы представить себе эту схему.

Как вы считаете, ваше искусство и творческий процесс был бы таким же, если вы бы не знали, что вы синестет?

Совершенно иным. Моё творчество – это прямой результат моей синестезии. Моё отношение к музыке и природе и образы, вызываемые этим опытом – из всего этого и возникает моё творчество.

В проекте “Mercury Soul” в соавторстве с композитором Мэйсоном Бэйтсом (Mason Bates) вы создали цикл “Наблюдая музыку” (*Seeing Music*) – набор абстрактных ярких картин. Что вдохновляло вас во время работы над этим циклом? Были ли в работе какие-то диссонирующие моменты?

Я слушала музыку Мэйсона, чтобы создать те самые скульптуры и картины. Затем я показывала ему свои работы. В музыке Мэйсона не было ничего диссонирующего, что я могла бы заметить.

В ваших театральных работах вы склоняетесь к использованию базовой, простой и яркой палитры. Почему? В чем заключается ваше отношение и техника использования цвета? Считаете ли вы, что цвет – это что-то особенное для вашего творчества?

Я горжусь своим чувством цвета. Я обращаюсь с цветом так, чтобы повлиять на восприятие зрителем театральной постановки, оперы или симфонии. Я верю, что цвет имеет огромную силу в том смысле, что он

может повлиять на наши эмоции и даже на наше мышление. В некотором роде это очевидно. Я использую красный, чтобы добавить энергии, и голубой, чтобы успокоить. Если это музыкальное произведение, то я позволяю музыке направлять меня. Например, в одной из моих ранних работ над оформлением декораций для оперы “Севильский цирюльник” для меня было абсолютно очевидным, что цвета сценической палитры должны включать оранжевый, жёлтый, красный и розовый. Казалось, что музыка как бы совершает круговые движения, и это стало элементами декораций – движущиеся стены и предметы интерьера я сделала так, чтобы они тоже могли совершать вращающие движения.

Для “Страстей по Матфею” я хотела передать то, как я чувствую, что музыка Баха охватывает нас, и поэтому я создала серию декораций, которая как бы охватывает аудиторию, музыкантов и вокалистов. Декорации основаны на доминанте закруглённых форм. Серия для сценических декораций “Страстей по Иоанну”, напротив, состоял из прямых линий, чтобы олицетворить линейное свойство музыки.

*Перевод:
Федор Палигин*